

Максим Горький

9-е января

Максим Горький

9-е января

«Public Domain»

1906

Горький М. А.

9-е января / М. А. Горький — «Public Domain», 1906

«...Толпа напоминала тёмный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури, она текла вперёд медленно; серые лица людей были подобны мутно-пенному гребню волны. Глаза блестели возбуждённо, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь сами себе. Слова кружились над толпой, как маленькие, серые птицы. Говорили негромко, серьёзно, как бы оправдываясь друг перед другом.— Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...— Без причины народ не тронется...— Разве „он“ это не поймёт?...»

© Горький М. А., 1906

© Public Domain, 1906

Максим Горький

9-е января

...Толпа напоминала тёмный вал океана, едва разбуженный первым порывом бури, она текла вперёд медленно; серые лица людей были подобны мутно-пенному гребню волны.

Глаза блестели возбуждённо, но люди смотрели друг на друга, точно не веря своему решению, удивляясь сами себе. Слова кружились над толпой, как маленькие, серые птицы.

Говорили негромко, серьёзно, как бы оправдываясь друг перед другом.

– Нет больше возможности терпеть, вот почему пошли...

– Без причины народ не тронется...

– Разве «он» это не поймёт?..

Больше всего говорили о «нём», убеждали друг друга, что «он» – добрый, сердечный и – всё поймёт... Но в словах, которыми рисовали его образ, не было красок. Чувствовалось, что о «нём» давно – а может быть, и никогда – не думали серьёзно, не представляли его себе живым, реальным лицом, не знали, что это такое, и даже плохо понимали – зачем «он» и что может сделать. Но сегодня «он» был нужен, все торопились понять «его» и, не зная того, который существовал в действительности, невольно создавали в воображении своём нечто огромное. Велики были надежды, они требовали великого для опоры своей.

Порою в толпе раздавался дерзкий человеческий голос:

– Товарищи! Не обманывайте сами себя...

Но самообман был необходим, и голос человека заглушался пугливыми и раздражёнными всплесками криков.

– Мы желаем открыто...

– Ты, брат, молчи!..

– К тому же, – отец Гапон...

– Он знает!..

Толпа нерешительно плескалась в канале улицы, разбиваясь на отдельные группы; гудела, споря и рассуждая, толкалась о стены домов и снова заливала середину улицы тёмной, жидкой массой – в ней чувствовалось смутное брожение сомнений, было ясно напряжённое ожидание чего-то, что осветило бы путь к цели верою в успех и этой верой связало, сплавило все куски в одно крепкое стройное тело. Неверие старались скрыть и не могли, замечалось смутное беспокойство и какая-то особенно острая чуткость ко звукам. Шли, осторожно прислушиваясь, заглядывали вперёд, чего-то упрямо искали глазами. Голоса тех, кто веровал в свою внутреннюю силу, а не в силу вне себя, – эти голоса вызывали у толпы испуг и раздражение, слишком резкие для существа, убеждённого в своем праве состязаться в открытом споре с тою силою, которую оно хотело видеть.

Но, переливаясь из улицы в улицу, масса людей быстро росла, и этот рост внешний постепенно вызывал ощущение внутреннего роста, будил сознание права народа-раба просить у власти внимания к своей нужде.

– Мы тоже люди, как-никак...

– «Он», чай, поймёт, – мы просим...

– Должен понять!.. Не бунтуем...

– Опять же, – отец Гапон...

– Товарищи! Свободу не просят...

– Ах, господи!..

– Да погоди ты, брат!..

– Гоните его прочь, дьявола!..

– Отец Гапон лучше знает как...

– Когда людям необходима вера, – она приходит...

Высокий человек в чёрном пальто, с рыжей заплатой на плече, встал на тумбу и, сняв шапку с лысой головы, начал говорить громко, торжественно, с огнём в глазах и дрожью в голосе. Говорил о «нём», о царе.

Но в слове и тоне сначала чувствовалось что-то искусственно приподнятое, не слышно было того чувства, которое способно, заражая других, создавать почти чудеса. Казалось, человек насилует себя, пытаясь разбудить и вызвать в памяти образ давно безличный, безжизненный, стёртый временем. Он был всегда, всю жизнь, далёк от человека, но сейчас он стал необходим ему – в него человек хотел вложить свои надежды.

И они постепенно оживляли мертвеца. Толпа слушала внимательно – человек отражал её желания, она это чувствовала. И хотя сказочное представление силы явно не сливалось с «его» образом, но все знали, что такая сила есть, должна быть. Оратор воплотил её в существо всем известное по картинкам календарей, связал с образом, который знали по сказкам, – а в сказках этот образ был человечен. Слова оратора – громкие, понятные – понятно рисовали существо властное, доброе, справедливое, отечески внимательное к нужде народа.

Вера приходила, обнимала людей, возбуждала их, заглушая тихий шопот сомнений... Люди торопились поддаться давножданному настроению, стискивали друг друга в огромный ком единокровных тел, и плотность, близость плеч и боков, согревала сердца теплотой уверенности, надежды на успех.

– Не надо нам красных флагов! – кричал лысый человек. Размахивая шапкой, он шёл во главе толпы, и его голый череп тускло блестел, качался в глазах людей, притягивая к себе их внимание.

– Мы к отцу идём!..

– Не даст в обиду!

– Красный цвет – цвет нашей крови, товарищи! – упрямо звучал над толпой одинокий, звонкий голос.

– Нет силы, которая освободит народ, кроме силы самого народа.

– Не надо!..

– Смутьяны, черти!..

– Отец Гапон – с крестом, а он – с флагом.

– Молодой ещё, но тоже, чтобы командовать...

Наименее уверовавшие шли в глубине толпы и оттуда раздражённо и тревожно кричали:

– Гони его, который с флагом!..

Теперь двигались быстро, без колебаний и с каждым шагом всё более глубоко заражали друг друга единством настроения, хмелем самообмана. Только что созданный, «он» настойчиво будил в памяти старые тени добрых героев – отзвуки сказок, слышанных в детстве, и, насыщаясь живою силою желания людей верить, безудержно рос в их воображении...

Кто-то кричал:

– «Он» нас любит!..

И несомненно, что масса людей искренно верила в эту любовь существа, ею же только что созданного.

Когда толпа вылилась из улицы на берег реки и увидела перед собой длинную, ломаную линию солдат, преграждавшую ей путь на мост, людей не остановила эта тонкая, серая изгородь. В фигурах солдат, чётко обрисованных на голубовато-светлом фоне широкой реки, не было ничего угрожающего, они подпрыгивали, согревая озябшие ноги, махали руками, толкали друг друга. Впереди, за рекой, люди видели тёмный дом – там ждал их «он», царь, хозяин этого дома. Великий и сильный, добрый и любящий, он не мог, конечно, приказать

своим солдатам, чтобы они не допускали к нему народ, который его любит и желает говорить с ним о своей нужде.

Но всё-таки на многих лицах явилась тень недоумения, и люди впереди толпы немного замедлили свой шаг. Иные оглянулись назад, другие отошли в сторону, и все старались показать друг другу, что о солдатах – они знают, это не удивляет их. Некоторые спокойно поглядывали на золотого ангела, блестящего высоко в небе над унылой крепостью, другие улыбались. Чей-то голос, соболевая, произнёс:

- Холодно солдатам!..
- Н-да-а...
- Солдаты – для порядка.
- Спокойно, ребята!.. Смирно!
- Ура, солдаты! – крикнул кто-то.

Офицер в жёлтом башлыке на плечах выдернул из ножен саблю и тоже что-то кричал встречу толпе, помахивая в воздухе изогнутой полоской стали. Солдаты встали неподвижно плечо к плечу друг с другом.

- Чего это они? – спросила полная женщина.
- Ей не ответили. И всем, как-то вдруг, стало трудно идти.
- Назад! – донёсся крик офицера.

Несколько человек оглянулось – позади их стояла плотная масса тел, из улицы в неё лилась бесконечным потоком тёмная река людей; толпа, уступая её напору, раздавалась, заполняя площадь перед мостом. Несколько человек вышло вперёд и, взмахивая белыми платками, пошли навстречу офицеру. Шли и кричали:

- Мы – к государю нашему...
- Вполне спокойно!..
- Назад! Я прикажу стрелять!..

Когда голос офицера долетел до толпы, она ответила гулким эхом удивления. О том, что не допустят до «него», – некоторые из толпы говорили и раньше, но чтобы стали стрелять в народ, который идёт к «нему» спокойно, с верою в его силу и доброту, – это нарушало цельность созданного образа. «Он» – сила выше всякой силы, и ему некого бояться, ему незачем отталкивать от себя свой народ штыками и пулями...

- Худой, высокий человек с голодным лицом и чёрными глазами вдруг закричал:
- Стрелять? Не смеешь!..

И, обращаясь к толпе, громко, злобно продолжал:

- Что? Говорил я – не пустят они...
- Кто? Солдаты?
- Не солдаты, а – там...

Он махнул рукой куда-то вдаль.

- Выше которые... вот! Ага? Я же говорил!
- Это ещё неизвестно...
- Узнают, зачем идём, – пустят!..

Шум рос. Были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии. Здравый смысл разбился о нелепость преграды и молчал. Движения людей стали нервнее, суетливее; от реки веяло острым холодом. Неподвижно блестили острия штыков.

Перекидываясь восклицаниями и подчиняясь напору сзади, люди двигались вперёд. Те, которые пошли с платками, свернули в сторону, исчезли в толпе. Но впереди все – мужчины, женщины, подростки – тоже махали белыми платками.

– Какая там стрельба? К чему? – солидно говорил пожилой человек с проседью в бороде. – Просто они не пускают на мост, дескать – идите прямо по льду...

И вдруг в воздухе что-то неровно и сухо просыпалось, дрогнуло, ударило в толпу десятками невидимых бичей. На секунду все голоса вдруг как бы замерзли. Масса продолжала тихо подвигаться вперёд.

– Холостыми... – не то сказал, не то спросил бесцветный голос.

Но тут и там раздавались стоны, у ног толпы легло несколько тел. Женщина, громко охая, схватилась рукой за грудь и быстрыми шагами пошла вперёд, на штыки, вытянутые встречу ей. За нею бросились ещё люди и ещё, охватывая её, забегая вперёд её.

И снова треск ружейного залпа, ещё более громкий, более неровный. Стоявшие у забора слышали, как дрогнули доски, – точно чьи-то невидимые зубы злобно кусали их. А одна пуля хлестнулась вдоль по дереву забора и, стряхнув с него мелкие щепки, бросила их в лица людей. Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхнули яркие красные пятна. Они расплзались, дымились, притягивая к себе глаза... Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потёк по воздуху непрерывной, напряжённо дрожащей пёстрой тучей криков острой боли, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь.

Наклонив головы, люди группами бросились вперёд подбирать мёртвых и раненых. Раненые тоже кричали, грозили кулаками, все лица вдруг стали иными, и во всех глазах сверкало что-то почти безумное. Паники – того состояния общего чёрного ужаса, который вдруг охватывает людей, сметает тела, как ветер сухие листья в кучу, и слепо тащит, гонит всех куда-то в диком вихре стремления спрятаться, – этого не было. Был ужас, жгучий, как промёрзшее железо, он леденил сердце, стискивал тело и заставлял смотреть широко открытыми глазами на кровь, поглощавшую снег, на окровавленные лица, руки, одежды, на трупы, страшно спокойные в тревожной суете живых. Было едкое возмущение, тоскливо бессильная злоба, много растерянности и много странно неподвижных глаз, угрюмо нахмуренных бровей, крепко сжатых кулаков, судорожных жестов и резких слов. Но казалось, что больше всего в груди людей влилось холодного, мертвящего душу изумления. Ведь за несколько ничтожных минут перед этим они шли, ясно видя перед собою цель пути, пред ними величаво стоял сказочный образ, они любовались, влюблялись в него и питали души свои великими надеждами. Два залпа, кровь, трупы, стоны, и все встали перед серой пустотой, бесильные, с разорванными сердцами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.